

ПО ТУ СТОРОНУ НИГЕРА

М. ЗЕНОВИЧ

ВЛУЧАХ утреннего солнца эта африканская река предстала передо мной внезапно — величественная и безмятежная. Не зная я заранее, что это Нигер, ее можно было принять за широкое озеро: так плотно скрадывает ее берега у горизонта тропический лес. После утомительной дороги, петлявшей от Беннина сквозь его заросли, на меня нахлынуло освежающее чувство простора. С высокого правого берега действительно открывается волшебная картина: легкий, словно хрустальный мост, перекинутый над широкой рекой, на том берегу — утопающий в зелени город, а за ним — бесконечные зеленые холмы Африки.

Много веков географы и исследователи бились над «загадкой Нигера». Никто не знал, куда течет эта река, где берет начало и где кончает свой путь, представляет ли она самостоятельную водную артерию, или служит притоком другой реки. Чтобы стереть это «белое пятно» с карты Африки, некогда требовалось немалое мужество. Сколько отважных путешественников погибло от желтой лихорадки, от жажды, от зменных укусов, пока наконец не было точно установлено, что Нигер, вопреки общепринятым представлениям, несет свои воды не в западном направлении, а на восток.

Истоки и русла африканских рек, горные хребты, покрытые снеговыми шапками, болота и саванны давно уже нанесены на карту. Следопыты прошлых веков вознаграждены за свои поиски. Но и сегодня всякого, кто присматривается к потоку африканских событий, озадачи-

вают вопросы, не менее интригующие, чем «загадка Нигера». И, пожалуй, один из самых запутанных являет вот эта земля, открывшаяся с правого берега великой реки в лучах утреннего солнца, земля, по которой совсем недавно прошла самая жестокая война за всю современную историю континента.

ГОРОД В РУБЦАХ ВОЙНЫ

На противоположном конце моста — контрольно-пропускной пункт. Солдаты военного патруля в зеленых с желто-коричневыми пятнами маскировочных комбинезонах просят выйти из машины и заполнить опросный лист. Я просматриваю длинный список. Бизнесмены, священники, нефтяные эксперты из Англии, США, Италии, ФРГ и других стран Запада зафиксировали свой интерес к этим местам размахистыми закорючками.

Но вот формальности позади, и мы въезжаем в Онитшу — «самый густонаселенный город Восточной Нигерии», как сказано о нем в довоенных справочниках.

Сегодня Онитша исполосована свежими рубцами войны. Стратегически этот населенный пункт представляет собой как бы ворота в восточные районы страны, и поэтому сражение за него отличалось особым ожесточением.

Об этом сражении напоминают дома без крыш, изрешеченные пулями вывески бензозаправочных станций, пустые глазницы окон.

А вот и знаменитый на всю Африку городской рынок, где, как рассказали мне нигерийские журналисты, можно было купить все что угодно — от живого слона до нового, с иголочками, генеральского мундира, где вам могли сбить запечатанную бутылку французского коньяку,

наполненную подкрашенной водой, или незаметно подменить под прилавком только что сторгованный индийский муслин с золотыми нитями на кусок грубого холста.

Теперь от всей этой суеты сохранился лишь проржавевший каркас да холмики битой черепицы. Местами из-под щебня пробивается трава; пугливые серые ящерицы, нежившиеся на горячих камнях, бросаются от меня наутек, краснея от страха.

До войны в Онитше было триста тысяч жителей. Про этот город гремела слава, что в нем на каждую тысячу человек больше учащихся и адвокатов, чем в любом другом городе Африки. «Там свихнулись на образований», — говорили в Нигерии.

Сколько горожан, прятавшихся в лесах от кошмаров войны, вернулось обратно, определить нелегко. Жилой фонд находится в аварийном состоянии, как выразились бы работники коммунального хозяйства. И все-таки мне суждено было причаститься к величию Онитши.

Дело было так. На одной из улиц мое внимание привлекли два вытянутых двухэтажных дома, стоявшие в глубине, за грудой того, что когда-то было забором. Дома-близнецы, только один почти целехонек, а другой с выбитыми стенами.

Нужна ли более наглядная иллюстрация к тезису, сколько труда человеческих рук уничтожила эта война! Что помещалось там? Мастерские? Учреждения?

Я легко форсировал бывший забор и внезапно заметил хрупкую девушку лет семнадцати, не более. Она притаилась, незаметная в тени веранды, и читала книгу. Как-то неловко было отрывать ее от этого занятия, но репортерское любопытство пересилило.

— Здравствуйте. Прошу прощения, что помешал.

— Добро пожаловать. — приветливо и скромно ответила она, внимательно осматривая меня большими черными глазами.

После первого вопроса выяснилось, что девушку зовут Патриция Уде.

— Скажите, Патриция, что это за строения?

— Колледж.

— Был колледж?

— Нет, он работает и сейчас. Просто идут уроки, никого не видно.

Михаил Константинович Зенович (род в 1930 году) — журналист-международник, с 1970 года — собственный корреспондент газеты «Правда» в Нигерии.

— И много студентов?
— Шестьсот. Почти столько же, сколько было до войны.
— А учителя?... То есть учителей достаточно?
— Да, учителя тоже почти все вернулись.

— И что вы собираетесь делать, когда получите диплом?

— Буду работать преподавателем в начальной школе.

Признаться, на мгновение весь этот разговор показался мне настолько будничным, что журналистская любознательность уступила место родительской, и я чуть было не спросил Патрицию, почему она не на занятиях.

Живы ли ее родители, какое горе довелось увидеть этим большим внимательным глазам, как сложится ее судьба? Кто знает, может быть, когда-нибудь, я узнаю об этом. Но разве мало того, что среди руин и пепла хрупкая девушка сидит с книгой в руках и строит планы на будущее!

НОВЫЕ ВЫВЕСКИ

Ничто, наверное, так не выдает в людях испытываемое ими чувство облегчения, как способность заниматься обыкновенными будничными делами. В Онитше, как, впрочем, и в других городах Восточно-Центрального штата, где мне довелось побывать, убеждаешься в этом воочию. Тем более, что жизнь африканца, как правило, проходит на улице.

Повсюду сложенные из бумажных самоделные очаги, на которых хозяйки всех возрастов варят мучнистую кассаву. Пара планок, навес и загородка из гофрированной жести, грубо сколоченная скамья — и вот перед вами «муниципальный бар», где желающие могут промочить горло стаканчиком мутного пальмового вина или джина «кау-кау», изготовленного по домашним рецептам. Такое же сооружение рядом гордо именуется «городской аптекой». Уже появились постоянные, как и везде в Нигерии, лоточки с набором солнцезащитных очков, шариковыми ручками и ремешками для часов. Пока их товар не в ходу. Куда бойчей идут дела у торговцев глиняными горшками или плетеными кушетками.

А вот и веяния времени. На листе фанеры навалена куча хлопчатобумажных шапок с

длинными козырьками. Надписи по околышку повторяют злободневные лозунги: «Единство», «Единая Нигерия» и, наконец, напрямик — «Твоя голова целее в единой Нигерии».

В этой стране прямо-таки обожают вывески с надписями, точно и сжато выражающими характер или настроение владельца. На Икороду-роуд, по которой из Лагоса можно попасть практически в любой конец Нигерии, курсирует автобус с нравоучением на борту: «Нет денег — нет друзей». В Сурулере, одном из кварталов Лагоса, я долго не мог оторваться от двух расположенных почти что рядом вывесок. «Честная механическая мастерская» — намалевал на заборе хозяин одной. Конкурент не остался в долгу. Он написал: «Механическая мастерская «Живи и давай жить другим».

Восточно-Центральный штат не составляет в этом смысле исключения. Только надписи здесь совсем иные, хотя и не менее злободневные. Скорее всего, их объединяет оптимизм. «Никакое состояние не вечно», — гласит лозунг на козырьке грузовика. А в Энугу лавочка, где продают нехитрую снедь, гордо заявляет о себе: «Продовольственный магазин, вселяющий надежду».

В искренности всех этих настроений убеждают не только вывески. Уже первый «мужской разговор» с представителями местной общественности, главным образом из народности ибо, подтвердил, насколько серьезно подходят они к проблемам восстановления и реконструкции пораженных войной районов, с каким пониманием отвечают на призыв федерального военного правительства напрячь все силы во имя строительства единой и процветающей Нигерии.

— Мы не хотим ворошить прошлое. Что было, то было, — сказал мне уроженец Онитши Рей Нвошиши. — Мы хотим восстановить хозяйство, транспорт, торговлю. Спору нет — ущерб очень велик, и нам нужна помощь. Но мы не забыли о том, что в период британского господства именно отсюда освободительное движение за независимую и единую Нигерию начало свой победный путь. Народ ибо бок о бок со всеми нигерийцами сражался за ликвидацию колониальных порядков, и теперь он готов доказать свою

добрую волю в строительстве новой Нигерии. Вы убедитесь в этом собственными глазами.

ДУХ ВЗАИМОПОМОЩИ

Эти слова не раз вспоминались мне на протяжении всего пути от Онитши до Энугу. Конечно, война и здесь оставила свои страшные рубцы. Не шелохнутся вагонетки на канатной дороге, по которой уголь из Энугу доставляли к электростанции на реке Оджи. Безжизненна и сама электростанция. Некогда прекрасное шоссе изрыто ямами, а по обочинам, как подстреленные птицы, разбросаны тяжелые грузовики. Некоторые деревья напоминают свежие раскопки каких-то доисторических поселений. Обугленные деревья простерли к небу обрубки ветвей.

Но куда большее впечатление производит кропотливый труд людей, избавленных наконец от превратностей войны. В бесчисленных механических мастерских чинят керосинки, велосипеды, кровати. Женщины и дети возделывают мотыгами поля — надо закончить посев до наступления сезона дождей. В Авке, Абагане, Уди и других населенных пунктах люди красят, шьют, стучат топорами, пиллят, забивают гвозди. Эта поразительная активность красноречивее всяких слов свидетельствует о решимости нигерийцев побыстрее избавиться от военных невзгод и, если хотите, о чувстве патриотизма.

По сравнению с Онитшей и другими придорожными городами Энугу кажется не тронутым войной. Этот город на высоких холмах — столица Восточно-Центрального штата — буквально дышит жизнью. Здесь особенно ощутимы плоды деятельности властей по восстановлению и реконструкции пораженных войной районов.

Вновь пришли в движение поезда на железной дороге Энугу — Лагос. Функционирует телефонная и телеграфная связь с остальными частями федерации. В соответствии с объявленной правительством политикой национального примирения более 30 тысяч рабочих и служащих уже восстановлены в прежних должностях. В их числе — свыше четырех тысяч железнодорожников. Ожидают своей очереди шахтеры — ведь угольные шахты в Энугу являются одним из основных топливных

районов страны. Вот-вот должен вступить в строй участок железной дороги от Энугу до Порт-Харкорта. Тогда даже такой отдаленный от побережья город, как Майдугури, сможет активно подключиться к океанской торговле.

Заново открытый педагогический колледж в Онитше — один из 42 учебных заведений этого профиля, которые работают ныне в Восточно-Центральном штате. Помимо этого, звонки, возвещающие о начале и об окончании уроков, звенят сейчас без малого в четырех тысячах начальных школ и почти в двухстах — средних, а также в десятках профессиональных и технических училищ.

Очень важным шагом в реализации программ восстановления и реконструкции было возобновление занятий в Нигерийском университете города Нсукка. Уже через несколько дней после окончания военных действий власти создали специальный комитет, которому было поручено подготовить открытие университета. В те дни нашлось немало скептиков, сомневавшихся в целесообразности этой меры и в ее успехе. Ссылались при этом, что до войны университет в Нсукке был рассадником сепаратизма, что именно оттуда клика Оджукву вербовала кадры для так называемой Биафры. С другой стороны, пророчили, что бывшие студенты, якобы озлобленные провалом сепаратистского движения, вряд ли захотят вернуться к занятиям.

Однако действительность опровергла эти опасения. Уже к середине февраля администрация университета полностью взяла в свои руки бразды правления. Началась массовая регистрация студентов. 23 марта около двух тысяч студентов заполнило лекционные залы и лаборатории. В этот день восемь факультетов из девяти приступили к занятиям под руководством 234 нигерийских профессоров и преподавателей. Чтобы наверстать потерянные учебные часы, лекции продолжали и в каникулярные месяцы, а новый учебный год начинается в виде исключения не в сентябре, а в октябре.

Буквально все нигерийские газеты посвятили возобновлению занятий в университете Нсукки обширные комментарии и редакционные статьи. Подчеркивалось, что смысл этой

меры — не только забота о подготовке квалифицированных кадров, в которых так остро нуждается страна. Вернув университет к жизни, федеральное военное правительство ясно выразило свою решимость оздоровить обстановку среди интеллигенции ибо, забыть о прежних расприх и доказать, что все нигерийцы, независимо от национальности, могут спокойно учиться и работать над укреплением единой Нигерии.

С чем сталкиваешься в Восточно-Центральном штате повсюду — это с духом взаимопомощи. Стоит, например, автомобилю остановиться посреди дороги, как другие водители и прохожие дружными усилиями помогают завести заглохший мотор. И это воспринимается как должное: после многих месяцев, когда двигатели работали зачастую на сырой нефти, иначе машину в движение не приведешь. Мне рассказывали немало историй о людях, которые, получив работу, делятся своими скромными заработками с соседями, помогают им встать на ноги. Эта простая человеческая солидарность отнюдь не ограничивается одной только народностью ибо. Жители северных, западных и других районов Нигерии протягивают руку помощи своим пострадавшим согражданам, демонстрируя тем самым, что овладевшее ныне нигерийцами ощущение причастности к судьбам своей родины — вовсе не пустые слова.

Почти каждый день приносит отрадные новости. Электрическая корпорация Нигерии приступила к восстановлению линий электропередач и ремонту электростанций. В соответствии с объявленной правительством всеобщей амнистией все большее число солдат и офицеров бывшей сепаратистской армии получает гражданские документы и возвращается к производительному труду. Много теплых слов высказывается в адрес расквартированных на территории штата армейских частей, которые энергично работают над восстановлением разрушенных дорог и переправ.

Конечно, проблем и трудностей остается еще немало, и в Нигерии этого не скрывают. Не хватает транспорта, чтобы бесперебойно обеспечивать всем необходимым отдаленные сельские районы, в школах недостает учебников и тетрадей, пред-

стоит осуществить в широких масштабах жилищное строительство, устроить судьбу тысяч сирот, покончить с безработицей. Учитывая сложность всех этих задач, прогрессивная нигерийская общественность особо подчеркивает, что успех программы восстановления и реконструкции зависит в первую очередь от всенародной инициативы.

— Федеральное военное правительство делает все, что в его силах и средствах, чтобы нормализовать обстановку в пораженных войной районах, — заявил известный нигерийский просветитель и публицист Тай Соларин. — Но одной только правительственной помощи или помощи Нигерийского Красного Креста недостаточно. Все народы Нигерии должны подняться как один и возродить эти районы.

Речь идет, подчеркнул в этой связи Т. Соларин, не только о спасении тысяч безвинных жертв войны, хотя само по себе это чрезвычайно важно. «Я бы не обратился с этим призывом, — пишет он, — если бы война, которую мы только что выиграли, преследовала своей единственной целью сохранить территориальную целостность Нигерии, игнорируя судьбу людей, сражавшихся за отделение. Но ведь мы воевали в первую очередь за подлинное единство нигерийского народа».

Мысль Тая Соларина, на мой взгляд, лежит в главном русле той «переоценки ценностей», которой охвачена послевоенная Нигерия. Победа, одержанная национально-патриотическими силами над гидрой сепаратизма, определила национальный подъем, а с ним родилось множество раздумий, планов, надежд. Какие уроки необходимо извлечь из прошедшего кризиса? Что должно быть сделано, чтобы пережитая трагедия больше не повторилась, чтобы завоеванное кровью и лишениями единство стало реальностью? Таковы, по сути дела, коренные вопросы, что будоражат сегодня всех нигерийцев, которым дороги судьбы их родины. — вопросы тем более актуальные, что длившийся почти четыре года внутренний кризис стоил жизни сотням тысяч людей, а причиненный материальный ущерб исчисляется в сотнях миллионов нигерийских фунтов.

(Окончание следует)